

УДК 81'286

ЯЗЫК И НАРОД: ЭТНОГЕНЕРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

В.А. Маслова

Раскрывается одна из важнейших функций языка – этногенерирующая.

Ключевые слова: антропоцентризм; языковое сознание; архетип; языковая модель мира; русский язык; кыргызский язык; образ мира; языковой код; язык и этнос; этногенерирующая функция языка.

LANGUAGE AND PEOPLE: ETHNOGENERATING FUNCTION OF LANGUAGE

V.A. Maslova

The article reveals one of the most important functions of the language - ethnogenerating.

Keywords: anthropocentrism; linguistic consciousness; archetype; language model of the world; Russian language; Kyrgyz language; image of the world; language code; language and ethnos; ethnogenerating function of language.

Еще В. Гумбольдт показал нам, что язык – это важнейший антропологический фактор: “Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им” [1, с. 77]. Только с развитием антропоцентрической парадигмы важнейшим объектом изучения стал не просто язык, а язык в человеке и человек в языке, т. е. человек в его мыслях и высказываниях, эмоциях и поступках.

Именно лингвистика, важнейшая из гуманитарных наук, может вкупе с философией, семиотикой, психологией, культурологией и др. науками понять сущность человека, его национальный характер и поступки. Поэтому исследование языковых явлений во взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью и культурой человека, его национальной психологией и историей позволяет по-новому представить наиболее значимые проблемы современной лингвистики. Мы полностью солидарны с позицией известного русского методолога В.И. Постоваловой, которая считает, что антропологическая программа изучения языка выдвигает на первый план проблемы, касающиеся раскрытия взаимосвязи человека и его языковой активности; проблемы соотношения языка и духовной деятельности человека, языка и мышления (сознания), языка и ценностей человека, языка и культуры, языка и познания, языка и общества и т. д. [2, с. 343].

Наблюдения над языком позволяют понять глубину национального сознания, которое есть по своей сути языковое сознание. Именно язык позволяет обнаружить радикальную смену культурных

ориентиров, культурных кодов, которые формируют человека, его мировидение и характер. Доказано, что в языковых единицах отображена ментальность человека во всем многообразии ее проявлений.

Язык загадочен и уникален не только своей глубиной, но и своей народообразующей способностью. В самой системе языка есть механизмы самосохранения, самозащиты и саморазвития. Он есть креативная сущность, т.к. человек получил от Бога возможность творить посредством слова. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: “Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься” [3, с. 36–37]. Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы, хранящейся в самых потаенных глубинах памяти. Слово – это как бы “зарубка”, которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, тем самым оно заряжает энергией предмет, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово – “максимально напряженное осмысления бытия” [4, с. 40].

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, который зафиксирован в мифах и архетипах, отголоски которых мы обнаруживаем в современном языке.

Именно данные проблемы находятся в центре внимания выдающегося кыргызского исследователя (впрочем, известного далеко за пределами страны) Мамеда Джакыповича Тагаева. Он справедливо отмечает, что современный Кыргызстан – поликультурное образование, которое характеризуется коммуникативной толерантностью, т. е. взаимодействие людей проходит при учете убеждений языковой личности, его культурных ценностей, установок, стереотипов. Причем, не допускается никакой речевой агрессии. В Кыргызстане есть правовая база для равноправного функционирования языков – соответствующие статьи в Конституции. Однако на деле выявилось много непредсказуемого. И это блестяще показано в ряде его работ.

Русский и кыргызский языки М.Дж. Тагаев справедливо понимает, как два языковых кода (инструмента), каждый из которых наиболее активен в сфере своего употребления: русский язык – наука, образование, экономика, производство и др. престижные сферы распространения. Кыргызский постепенно завоевывает сферу государственного управления и делопроизводства. И это нормально. Процесс этот длительный, медленно текущий. И здесь кыргызы еще в лучшей ситуации, чем, к примеру, белорусы, у которых свой язык окончательно отгеснен на периферию. Но как всякий живой организм язык приспособится и к этому. Белорусский приспособился. Сейчас он активно выполняет символическую функцию: он стал символом белорусскости (об этом уже спокойно, без особых эмоций пишет Н.Б. Мечковская). Такое, как видим, возможно в реальности.

Сам родной язык исключительно важен для консолидации нации. Правда, я здесь согласна с Гумилевым, что гораздо важнее национальное самосознание. На каком бы языке мы не говорили, но пока мы помним, что мы белорусы/кыргызы, мы ими и останемся, независимо от языка. И все же национальный язык и его развитие – первейшая наша задача, так как вхождение в культуру вообще возможно только на базе родного языка. Только родной язык хранит культурную память народа, формирует исконное для нации чувство мировосприятия и миропонимания, а также духовной близости между людьми одного этноязыкового сообщества.

Языковое сознание обусловлено этнической и социокультурной принадлежностью языковой личности. И эта обусловленность может анализироваться на психолингвистическом социокультурном, социолингвистическом и др. уровнях. Как пишет В.В. Красных, “... национально-культурный компонент формируется в процессе социализации личности, входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет национальную специфику коммуникации” [5, с. 42]. Язык – сокровищница (лат. *thesaurus*) этнокультуры. Хотя на каждом эт-

ноязыке можно говорить о других этнокультурах, все же каждый язык, в первую очередь, предназначен для информационного обеспечения и регуляции процессов родной ему культуры. За знаками языка стоят прежде всего феномены этой культуры. Чтобы правильно понимать речь на данном языке, необходимо отчетливо осознавать этноспецифику его единиц как в денотативно-сигнификативном, так и в коннотативном аспекте их семантики, а также располагать фоновыми знаниями, не закрепленными в значениях и внутренней форме языковых знаков, но позволяющими понимать высказывания и тексты, апеллирующие к этим знаниям.

Прозорливость М.Дж. Тагаева, его тонкая научная интуиция проявились в том, что он почувствовал еще одну черту современной лингвистики, для которой в современном ее состоянии характерен переход от фактического знания к глубинному. На рубеже тысячелетий подступы к глубинному познанию реальности стали искать на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов, имеющего своей установкой обретение целостного видения человека и его мира. См., например, работы академика Ю.С. Степанова (“Концепты. Тонкая пленка цивилизации”, “Мыслящий тростник”, “Протей. Очерки хаотической эволюции” и др.).

Наш юбилар в этой связи обращается к теории архетипа, у которого он обнаруживает национально-культурную специфику: “Будучи средством передачи опыта предков, архетипы существуют во всех культурах, но, однако при этом в каждой из них они имеют свои этнокультурные особенности. Национально-культурная специфика архетипа предопределяется экологической и историко-культурной средой, в которой жил данный этнос.

С течением времени меняется и уходит в прошлое среда, в которой они возникли, появляется другая действительность. Архетипы же продолжают существовать в народной памяти, уже в отрыве от той среды, в которой они зародились” [6, с. 169].

И действительно, современный человек живет в большей мере в мире слов, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к человеку через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько в умении почувствовать малейшие нюансы семантики слова. А позволяют почувствовать это архетипы. В любом языке можно выделить древнейший слой, который был сформирован еще тогда, когда человек был слит с природой, и следы которого хорошо представлены в материализациях архетипов – в мифах, легендах, преданиях. Вся человеческая история, все этапы постижения мира человеком становятся мифами и только в них сохраняются для потомков. А в основе мифов, как

известно, лежат архетипы, отсюда особый интерес к ним лингвистов.

М.Дж. Тагаев пишет в этой связи: “Сохраняясь в лексике и фразеологии языка, в фольклоре и эпических произведениях, в народных прескрипциях архетипы создают культурно-языковое семантическое пространство, которое становится мощным фактором, предопределяющим особенности национальной ментальности и поведение личности” [6, с. 168].

По Л. Гумилеву, существует этническое поле, которое имеет присущий только ему ритм. Этот ритм задает пассионарность, которая есть “биохимическая энергия живого вещества биосферы”, она также активно формирует национальный характер. Динамика характера формируется под влиянием динамики внешней действительности, проявление тех или иных черт зависит не только от опыта, но и от требований, предъявляемых человеку в данный момент, от ситуации, в которой он находится и даже от географии его проживания.

Но и язык связывает людей в нацию/этнос. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения [7], т. е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Национальный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Совокупность значений языка составляет единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. “Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков” [8, с. 39]. Поэтому, как сказал французский исследователь К. Ажеж, “лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания...” [9, с. 42].

В современной лингвистике провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека, его сознанием, культурой, в которой он живет. Существует несколько подходов к решению проблемы учета антропологической природы языка и способах строить науку о языке на антропологических основаниях. Один из таких подходов и развивает М.Дж. Тагаев.

В своих работах он пришел к выводу, что мир, отраженный сквозь призму языковых механизмов, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. При этом важным обстоятельством является разграничение универ-

сального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира. Человек стоит в центре языковой картины мира как начало отсчета всех категориальных координат языка и как мера языковой картины мира.

Итак, язык имеет социальную природу, зависит от мировоззрения человека, содержания и характера его деятельности, от общества, в котором человек живет и действует, от активного взаимодействия с другими членами этого общества. Но и человек зависит от языка, который формирует его душу и сознание. Отсюда важность сохранения национального языка.

Поэтому я разделяю тревогу и озабоченность М.Дж. Тагаева тем, что кыргызы могут стать моноязычными, хотя им история подарила шанс быть как минимум двуязычными! Их историческое преимущество – почти поголовное владение русским языком, которое они сейчас утрачивают (по данным М.Дж. Тагаева, в селах почти 70 % не знают русский язык). Поэтому необходимо серьезное исследование языковых процессов и меняющемся Кыргызстане. Именно М.Дж. Тагаев силой своего таланта и, руководствуясь чувством высокой ответственности, может повести за собой кыргызских ученых-филологов.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию / В. Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984.
2. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания / В.И. Постовалова // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.
3. Евангелие от Матфея // Евангелие. М., 1992.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Тагаев М.Дж. Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности / М.Дж. Тагаев, Б.Т. Борчиева // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4.
7. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. Киев, 1992.
8. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // ВЯ. 1995. № 1.
9. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. М., 2003.